димъ ихъ наяву, оставаясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти! Недовольство и „мятежный духъ“ проникаютъ даже въ такую среду, какъ дворники, монастырскіе послушники, духовенство, городовые, и наконецъ, казаки, отъ которыхъ можно бы ждать всего, только не этого.

Поразительно быстрый ростъ революціоннаго настроенія, почти „молніеносное“ распространеніе революціонныхъ идей. Что представляли изъ себя, въ смыслѣ революціоннаго сознанія, хотя бы петербургскіе рабочіе годъ назадъ и что представляютъ они теперь?

Кто ихъ „распропагандировалъ“? Но тотъ же процессъ, почти съ тою же быстротою, совершается и въ крестьянствѣ: чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить первые крестьянскіе „приговоры“ съ „приговорами“ конца 1905 года, или первую (февраль—августъ) волну аграрнаго движенія, почти нигдѣ не имѣвшую рѣзко выраженнаго характера „Земли и воли“, со второй (октябрь—декабрь), уже совершенно недвусмысленной въ этомъ отношеніи*). Въ теченіе года народъ, въ лицѣ рабочихъ, крестьянъ, матросовъ, настолько опередилъ либеральную интеллигенцію и такъ недавно еще будировавшіе и пришпиливавшіе къ лацкану сюртука красную гвоздичку общественные слои, группирующіеся подъ знаменемъ пирога,—что эти слои уже растеряли свой либерализмъ и либо откровенно жмутся къ правительству, либо, какъ гг. Струве, Кауфманы, и К°., напрягаютъ всѣ свои способности, чтобы дискредитировать революцію.

Но это быстрое, производящее впечатлѣніе чего-то чудеснаго, перерожденіе народа, проясненіе народнаго сознанія, характеризуетъ именно великую революцію, моментъ перехода народной воли изъ потенціальнаго, скрытаго, въ активное состояніе, моментъ когда люди, которые раньше пахали землю, добывали руду, дѣлали сапоги, начинаютъ „дѣлать исторію“. Уже не личности и не партіи, а народъ, какъ цѣлое, какъ нація, выступаетъ на историческую сцену: онъ не хочетъ терпѣть стараго и хочетъ осуществить новое,—это желаніе, превращаясь въ активное рѣшеніе, открываетъ ему глаза.

Роковой характеръ процесса, о которомъ упоминалось выше. „Какъ могло это случиться?“ спрашиваетъ себя всякій. Какъ это вышло, что „цвѣтъ“ нашей передовой интеллигенціи, либеральные земцы, архи-либеральные „освобожденцы“ такъ быстро очутились на задворкахъ освободительнаго движенія? Какъ это случилось, что мы, готовые еще годъ назадъ удовлетвориться хоть самой паршивенькой конституціей на прусскій манеръ, теперь слушать не хотимъ о Государственной Думѣ, хотя она состряпана либеральнѣе австрійскаго рейхсрата? Какъ, вообще, могло случиться все, что случилось?—вѣдь такихъ успѣховъ революціи самый вѣрующій революціонеръ годъ тому назадъ не только не ожидалъ,—онъ о нихъ и не грезилъ!

„Россія помѣшалась!“ объявляетъ князь Мещерскій. „Россія съ ума сошла!“ соглашается графъ Витте. „Безуміе революціи!“ подхватываетъ г. Струве. На эти наивныя заявленія можно бы отвѣтить словами Полонія: „Однако, это безуміе систематическое“. Этотъ процессъ обнаруженія народной воли совершается въ опредѣленномъ направленіи. Въ немъ своя логика—логика неумолимая, логика повыше и посильнѣе вашей коротенькой логики. Вотъ уже всѣ куцыя программы отвергнуты, и даже программы крайнихъ партій оказываются узкими: самимъ соціалъ-демократамъ приходится расширять свою „программу-минимумъ“, чтобы поспѣть за требованіями массъ.

Обратитесь къ исторіи великихъ революцій,—вы найдете тамъ тотъ же фатальный, роковой, неумолимый характеръ революціоннаго процесса, развивающагося до исчерпанія всѣхъ программъ, какія могла въ то время предложить теоретическая мысль. Ограниченные люди и тогда пищали о безуміи; люди вѣрующіе—въ XVI и XVII вв.,—чувствуя, что ими двигаетъ не своя личная воля, даже не воля партіи, а какая-то иная воля высшаго порядка, совершенно искренно считали себя вдохновленными Богомъ.

Бываютъ такіе моменты въ исторіи народовъ—рѣдко, въ нѣсколько столѣтій разъ, но бываютъ! На ограниченныхъ политическихъ лавочниковъ они производятъ впечатлѣніе безумія, такъ какъ въ эти моменты невозможно расчитывать, исходя изъ „дѣйствительнаго соотношенія силъ“, какъ въ историческіе будни. Въ историческіе будни очень мало людей, которые „дѣлаютъ исторію“, и очень много такихъ, которые дѣлаютъ сапоги, пашутъ землю, читаютъ лекціи,—людей, поглощенныхъ каждый „своимъ дѣломъ“. Дѣйствующія силы такъ незначительны, что ихъ сравнительно нетрудно учесть, и на этомъ учетѣ основать расчетъ.

Но всѣ эти учеты и расчеты падаютъ въ тѣ рѣдкіе моменты, когда въ дѣло вступаютъ подспудныя, дотолѣ скрытыя, потенціальныя силы, въ тѣ рѣдкіе моменты, когда не остается людей, которые дѣлаютъ сапоги, а на лицо только люди, которые „дѣлаютъ исторію“, когда сверчки соскакиваютъ съ своихъ шестковъ и превращаются въ людей, обыватели вылѣзаютъ изъ-за печки и превращаются въ гражданъ, когда день становится равнымъ году, а годъ равнымъ столѣтію. Это и есть то невѣдомое, что никакой политическій бухгалтеръ не усчитаетъ, никакой политическій аптекарь не взвѣситъ, никакой политическій химикъ не анализируетъ,—и это есть то, что опредѣляетъ ходъ великой революціи.

Всякій внимательный наблюдатель согласится, я думаю, что переживаемый нами процессъ—именно этого типа. Давно ли мы, опредѣляя силы революціи, считали: либеральная интеллигенція, земцы, часть буржуазіи (московская дума, напр., какой передовой казалась!), значительная часть рабочихъ, быть можетъ, горсточка крестьянъ; а опредѣляя силы реакціи: правительство, чиновничество, черная сотня, армія, крестьянская масса... А теперь? Теперь силы революціи: крестьянская масса, пролетаріатъ, значительная часть арміи, мелкое чиновничество... А силы реакціи: правительство, земцы, буржуазія и безсознательно льнущая къ нимъ либеральная интеллигенція до „кадетовъ“ включительно. Вотъ какъ измѣнились „дѣйствительныя соотношенія силъ“ въ самое короткое время!

Революціонный энтузіазмъ—кто не чувствовалъ его вліянія въ дни грандіозныхъ демонстрацій и митинговъ, когда городъ точно перерождался, возвышался и очищался морально? И многіе революціонные акты—въ родѣ, напр., севастопольскаго возстанія—явили намъ образчики этого энтузіазма, коренящагося уже не въ личныхъ свойствахъ того или другого дѣятеля, а въ настроеніи народныхъ массъ. Не помню кто замѣтилъ, что великая французская революція, революція атеистическая, съ культомъ Разума, имѣла, тѣмъ не менѣе, характеръ религіозной революціи, такъ какъ ея политическіе, республиканскіе „символы вѣры“ исповѣдывались со всей пламенной вѣрой пуританъ или гугенотовъ. Это и есть отличительная черта великихъ революцій. Онѣ всегда религіозныя революціи. Онѣ борятся за правду, а не за хлѣбъ. Ихъ мечъ—не мечъ раба, возстающаго противъ господъ, а „мечъ Бога и Гедеона“, какъ выражались „круглоголовые“ Кромвеля.

Этотъ религіозный пылъ, этотъ энтузіазмъ, уже такъ часто проявлявшійся въ нашей революціи, можетъ быть, даже невыгоденъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, потому что мѣшаетъ расчету, практическимъ соображеніямъ... Кажется, онъ повредилъ севастопольцамъ. Но въ общемъ ходѣ революціи — на него вся надежда! Мы, болѣе или менѣе благополучно пріютившіеся въ верхнихъ этажахъ общества, мы, разъѣденные мудрствованіемъ и скептицизмомъ, не представляемъ себѣ всей силы народнаго энтузіазма. Мы быстро загораемся и быстро угасаемъ, но въ народныхъ массахъ энтузіазмъ разгорается медленно, зато ужъ и горитъ долго, огнемъ неугасимымъ. Когда верхи французскаго общества уже давно остыли, раскисли и мечтали только о водвореніи „порядка“ во что бы то ни стало,—энтузіазмъ народныхъ массъ еще пылалъ: Наполеонъ I воспользовался имъ, чтобы революціонизировать Европу и основать во Франціи свою диктатуру. Когда англійская буржуазія уже вопила „довольно“, народъ заявилъ „теперь только начинается“, — и здѣсь Кромвель опять сумѣлъ использовать народный энтузіазмъ на свой ладъ. Безъ сомнѣнія, и тотъ энтузіазмъ, который, повидимому, начинаетъ разгораться въ русскомъ народѣ, можетъ быть, съ теченіемъ времени, когда колесо революціи совершитъ свой полный кругъ, использованъ какимъ-нибудь диктаторомъ—если, конечно, таковой окажется на лицо, такъ какъ Кромвели и Наполеоны не являются по первому требованію,—но только въ случаѣ неудачи революціи, въ случаѣ разочарованія. Если, однако, наша революція приведетъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса, то разочарованія не послѣдуетъ, такъ какъ соціалистическая организація общества будетъ осуществленіемъ *дѣйствительной* свободы, равенства и братства. Но не будемъ забѣгать впередъ. Во всякомъ случаѣ, тѣ проявленія энтузіазма, которыми уже такъ богата русская революція, сближаютъ ее именно съ великими революціями прошлыхъ вѣковъ.

Наконецъ, обратите вниманіе на требованія волнующагося народа. Въ крестьянскихъ приговорахъ вы ждете, согласно ходячему представленію о „мужичкѣ“, только требованія земли; но „уравненіе въ правахъ“, избавленіе отъ полицейской и административной опеки, требованіе свободы, равенства, гражданскаго полноправія занимаютъ въ нихъ не менѣе видное мѣсто, а нѣкоторыми приговорами выдвигаются на первый планъ. Крайне характерно фигурирующее во всѣхъ почти заявленіяхъ забастовщиковъ — рабочихъ, приказчиковъ, служащихъ всякаго рода, солдатъ—требованіе „вѣжливаго обращенія“, „человѣческаго обращенія“, „обращенія на вы“ и т. п. Словомъ, всюду сказывается не желаніе чечевичной похлебки, а требованіе первородства, стремленіе къ новому существованію, достойному человѣка.

Всѣ эти признаки — глубина и широта захвата; неодолимый и неукротимый ростъ революціоннаго движенія; молніеносная быстрота распространенія революціоннаго сознанія, благодаря которой въ самое короткое время уже совершился громадный внутренній переворотъ, хотя и не добившійся еще своего внѣшняго выраженія; роковой, фатальный характеръ процесса, развивающагося съ неумолимой и неодолимой логикой въ опредѣленномъ направленіи, проявленія энтузіазма, который можно назвать религіознымъ; явно пробивающееся стремленіе къ новой, совершенно новой, основанной на правдѣ и справедливости, жизни,—все это признаки объективные, не созданные моимъ воображеніемъ, и все это признаки начала *великой революціи*, отличительная особенность которой, какъ свидѣтельствуетъ исторія прошлыхъ великихъ революцій, въ томъ, что она стоитъ на теоретической высотѣ своего времени, исчерпываетъ всѣ „программы-максимумъ“, осуществляетъ или, по крайней мѣрѣ, пытается осуществить все, что теоретическая мысль человѣчества выработала въ данный историческій моментъ.

---

*) Ср. статьи „Нужды деревни“ въ „Журналѣ для всѣхъ“, № 12, 1905 г., № 1, 1906 г.